

Введенский А. И. Папа Лев XIII: (По поводу 50-летия его епископского служения: 1843—1893) // Богословский вестник 1893. Т. 2. № 6. С. 515—534 (2-я пагин.).

ПАПА ЛЕВЪ XIII ПО ОТЗЫВАМЪ СОВРЕМЕННОКОВЪ.

(По поводу пятидесятилѣтія его епископскаго служенія:
1843—1893 г.).

Въ ряду многочисленныхъ, вещественныхъ и невещественныхъ, знаковъ вниманія, которыми вѣрные сыны католической церкви почтили особу „святѣйшаго отца“ какъ въ самые дни его юбилейныхъ торжествъ, такъ и во время, имъ предшествовавшее, обращаетъ на себя вниманіе одинъ, — скромный и незначительный по виду, но представляющій большое значеніе и интересъ. Мы разумѣемъ изданную *Boyer d'Ажаномъ* книгу: *Leon XIII devant ses contemporains* („Левъ XIII предъ своими современниками“) ¹⁾.

1) *Boyer d'Ажан*—главный редакторъ *Bibliothèque des petits polémistes*.— Къ книгѣ (Paris, 1892 pp. 397) приложена обстоятельная біографія папы (съ портретомъ) и послѣдняя энциклика (отъ 16 февр 1892 г.).—Папа Левъ XIII по происхожденію итальянецъ — изъ фамиліи графовъ *Печчи*. Род. 2 марта 1810 г. въ *Карпинетто* (въ Лаціумѣ, въ бывшей Папской Области) и былъ названъ Іоакимомъ (*Vincenzo Gioacchino*); начальное образованіе получилъ въ коллегіи въ Витербѣ (*Viterbe*), докончилъ въ *Римской Коллегіи* и 22 лѣтъ отъ роду получилъ степень доктора *in utroque jure*. Вскорѣ по окончаніи ученія поступилъ въ одинъ изъ кат. орденновъ и проходилъ различныя іерархическія степени: въ 1843 получилъ санъ епископа; въ 1846 назначенъ кардиналомъ, хотя кардинальскую шапку получилъ только въ 1853 г.; папой—съ 1878 г. Левъ XIII—большой ученый и поэтъ (къ книгѣ д'Ажана приложено нѣсколько его стихотвореній на латинск.,—послѣднее помѣчено 1883 г.: *de se ipso*). Изъ подъ его пера вышло, еще за время его епископства, много „бесѣдъ“ и „пастырскихъ посланій“, посвященныхъ самымъ живымъ и насущнымъ вопросамъ (перечень и анализъ у д'Ажана—стр. 362—371).—Самая обстоятельная біографія папы: *Léon XIII et le Vatican par Teste* (Paris 1880, pp. 349).

Боайе д'Ажану пришла счастливая мысль обратиться къ современнѣмъ выдающимся католикамъ, — епископамъ, государственнымъ людямъ, литераторамъ, корреспондентамъ крупныхъ газетъ, и т. д., — съ просьбою высказать о немъ свое сужденіе. Изъ этихъ то отзывовъ, собранныхъ въ названной книгѣ, и образовался вѣнокъ на чело маститаго юбиляра, — вѣнокъ нарядный и благоуханный, хотя, какъ увидимъ, и не безъ пиновъ, какъ, впрочемъ, и всѣ розы.

Само собою понятно, что далеко не всѣ нашли удобнымъ воспользоваться лестнымъ, по въ то же время и щекотливымъ предложеніемъ открыто высказаться о живомъ и стоящемъ у власти папѣ. Многіе уклонились отъ предложенія, причемъ одни просто и безцеремонно укрылись за банальною ссылкой на „недосугъ“, на „нездоровье“, на „незнакомство съ предметомъ“ и т. д.; по иные выставляли и болѣе деликатные мотивы своей сдержанности ¹⁾: „Позвольте мнѣ вамъ не отвѣчать, — пишетъ, напр., Александръ Дюма — сынъ ²⁾“, — у меня на этотъ счетъ такія отсталыя идеи, что я храню ихъ про себя, не желая никого скандализовать“. „Простите мнѣ и позвольте помолчать; — отвѣтилъ Тэнъ (знаменитый философъ, историкъ и публицистъ, недавно скончавшійся) ³⁾“; есть тому одна, очень важная причина: у меня нѣтъ ничего полезнаго, что бы я могъ сказать публикѣ“. „Я себя допросилъ, — пишетъ Эмиль Золя ⁴⁾“, — и нашелъ, что очень мало освѣдомленъ и совсѣмъ некомпетентенъ, чтобы сказать что нибудь о столь высокой личности, какъ папа Левъ XIII“. „Унасъ, въ Англии, много своихъ дѣлъ и домашнихъ вопросовъ, — дѣловито и сухо отписалъ Гладстонъ ⁵⁾“, — и мои сограждане будутъ, конечно, немало изумлены, если я, въ моемъ положеніи, стану письменно разсуждать о роли папы Льва XIII: конечно, это — интересный предметъ; но онъ лежитъ совершенно внѣ круга моихъ обязанностей“. А Фрейсине (французскій военный

¹⁾ Письма съ отказомъ собраны подъ отдѣльной рубрикой: *Miscellanea* (pp. 339—349).

²⁾ P. 343.

³⁾ P. 348.

⁴⁾ P. 349.

⁵⁾ P. 345.

министръ) ¹⁾ сдержанно и холодно подчеркнулъ *черезъ своего секретаря*, что „онъ находитъ болѣе удобнымъ въ данномъ случаѣ воздержаться отъ сужденія“ и т. д.

Не смотря, однако, на всѣ эти отказы, все же собралось достаточное количество отзывовъ, которые рисуютъ папу со всѣхъ сторонъ, начиная со внѣшности и кончая его отношеніемъ къ самымъ частнымъ вопросамъ современной мысли и жизни. Попытаемся очертить по этимъ отзывамъ величавую фигуру юбиляра.

Начнемъ по порядку—съ внѣшности. Въ вопросахъ этого рода самымъ компетентнымъ судьей является, конечно; художникъ-портретистъ папы (Шартранъ). Итакъ, отладимъ ему первое слово ²⁾. „Вы просите меня,—пишетъ Шартранъ,—сказать, что я чувствовалъ въ присутствіи моего священнаго оригинала. Думаю, что никогда не съумѣю передать тѣхъ разнообразныхъ и глубокихъ впечатлѣній, которыя я испытывалъ во время моихъ многочисленныхъ свиданій (entrevues) съ нимъ, но—попытаюсь. Его высокій станъ, необыкновенное изящество всей фигуры, черты лица разомъ энергичныя и добрыя, широкое, исполненное благородства чело, уста съ тонкою и умною складкою, аристократическія руки, мелодичный и глубокий голосъ и особенно глаза — полныя юношеской свѣжести, жизни и характера,—все это въ совокупности дѣлаетъ изъ удивительной фигуры папы самый интересный оригиналъ, какой когда либо художникъ имѣлъ предъ своими глазами. То глубокое уваженіе, которое я уже и раньше имѣлъ къ верховному Первосвященнику превратилось, когда я былъ допущенъ въ болѣе интимное общеніе съ нимъ, въ совершенный культъ (!). Я былъ плѣненъ разомъ и его внѣшностію и его сердцемъ. Къ радости, что я имѣю возможность изучать столь интересную физиономію, присоединилась еще большая радость—слушать въ продолженіе долгихъ часовъ его теплый, вибрирующий голосъ и входить, хоть отчасти, въ мысли и проекты, создаваемые этимъ могучимъ мозгомъ“ ³⁾. Этотъ

¹⁾ P. 342.

²⁾ P. 334—6.

³⁾ И папа, повидимому, съ своей стороны очень доволенъ своимъ портретомъ. Подъ своимъ портретомъ, писаннымъ Шартраномъ (приложенъ къ книгѣ д'Ажана) папа подписалъ:

Effigiem subjectam oculis quis dicere falsam
Audeat? Huic similem vix jam pinxisset Apelles.

восторгъ предъ внѣшностію папы, вмѣстѣ съ Шартраномъ, раздѣляютъ и другіе. Папа сухощавъ. „Его худоба, — пишетъ донъ Эмилио Кастеляръ (испанскій эксминистръ) ¹⁾, — достигла крайней степени, такъ что его тѣло бѣло и прозрачно, какъ воскъ; кожа тонкая, плотно облегающая кости, такъ что, кажется, будто видишь предъ собою скелетъ, — какъ на одномъ изъ тѣхъ изображеній святыхъ, которыхъ создаютъ католическіе скульпторы (?). И однако, не смотря на это, жизнь духа одухотворяетъ эти черты, озаряетъ ихъ особеннымъ свѣтомъ, какъ блаженные и таинственные созерцанія озаряютъ лица людей восхищенныхъ священнымъ экстазомъ. Этотъ свѣтъ исходитъ изъ очей, которыя, какъ двѣ духовныхъ звѣзды, распространяютъ около себя столь сильный свѣтъ идеи, что, благодаря своей остротѣ, онъ проникаетъ до самыхъ сокровенныхъ мыслей, до глубины души. Все обнаруживаетъ, что Левъ XIII живетъ духомъ и идеєю“. Другіе разглядываютъ при этомъ на фигурѣ папы выраженіе какой-то гнетущей его міровой скорби, „Разказываютъ, — пишетъ Эмиль Оливье (членъ фр. Академіи) ²⁾, — что Францискъ Ассизскій послалъ на своемъ тѣлѣ знаки язвъ Христовыхъ. Папа Левъ XIII носитъ на всей своей фигурѣ ясные слѣды страданій папства (?). Его изможденное, прозрачное тѣло удручено, какъ бы подавлено волненіями и заботами, которыя со всѣхъ сторонъ осаждаютъ его. Его взоръ, не смотря на живость и блескъ, котораго онъ никогда не теряетъ, кажется усталымъ, утомленнымъ отъ непрестаннаго созерцанія печальныхъ картинъ, а мягкое выраженіе его губъ, углы которыхъ красиво приподняты, омрачено улыбкою печали“.

Обладая типичною и выразительною наружностію, папа Левъ XIII обладаетъ и выдающимися духовными способностями. Всѣ согласно отмѣчаютъ въ немъ умъ проникательный и осторожный, эрудицію, отзывчивость на запросы времени, настойчивость въ проведеніи своихъ идей, неутомимость въ работѣ и т. д. „Основные характеристичныя черты этого великаго ума, — такъ характеризуетъ, наприм., съ умственной стороны папу Монсенъёръ Исоаръ, епископъ

1) Р. 237.

2) Р. 301.

Аппеси ¹⁾),—это живая и безошибочная проникаемость и широта мысли. Разъ онъ останавливаетъ свое вниманіе на какомъ нибудь предметѣ, онъ тотчасъ выясняетъ себѣ его идею, освобождая ее отъ тѣхъ дополнительныхъ аксессуаровъ, которые часто ее скрываютъ и дѣлаютъ ее пониманіе затруднительнымъ и невѣрнымъ. Такимъ образомъ, онъ легко и скоро опредѣляетъ значеніе каждой идеи, каждаго предмета въ ряду другихъ идей и фактовъ. Никто менѣе Льва XIII не останавливается на одной вѣдности предметовъ, не позволяетъ себѣ обманываться и увлекаться словами и формулами. Никто такъ же не принимаетъ менѣе его во вниманіе, при обсужденіи того или другаго вопроса, интересы лица, никто не обладаетъ бѣльшимъ безпристрастіемъ. При томъ, при такихъ исключительныхъ особенностяхъ своего ума, папа обладаетъ обширными познаніями. За нѣсколько дней до его избранія оффиціальныи журналъ итальянскаго правительства (*La Gazette d'Italie*) опубликовалъ отзывы о тѣхъ кардиналахъ, которые привлекали на себя особенное вниманіе и вотъ что тогда сказалъ онъ о томъ, кому скоро затѣмъ суждено было стать главою католической церкви: „Кардиналъ Печчи обладаетъ глубокимъ знаніемъ *всѣхъ* церковныхъ предметовъ“. Это, однако,—поправляетъ газету Монсенъерь Исоаръ,—есть лишь часть того, что онъ сумѣлъ приобрести въ продолженіе своей жизни, посвященной изученію и размышленію: Левъ XIII знакомъ не только со всѣми церковными предметами, но и со всѣми политико-экономическими и философскими науками и школами, со всѣми выдающимися писателями, со всѣми, извѣстными въ политическихъ сферахъ, дѣятелями. Далѣе, онъ хорошо знаетъ языки, которые при его работахъ конечно, оказываютъ ему очень большую услугу. Онъ говоритъ по французски весьма чисто и Римъ уже давно не видалъ латиниста болѣе совершеннаго, чѣмъ онъ. Въ довершеніе всего, папа большой труженикъ. „Я буду работать до самой смерти“ : сказалъ онъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ архіепископу парижскому... Перемѣна одного занятія на другое,—вотъ въ чемъ единственное развлеченіе и единственный отдыхъ папы“. „Левъ XIII,—такъ

---

¹⁾ Рр 271—4.

дорисовываетъ его умственный складъ другой вкладчикъ въ книгу Д'Ажана, аббатъ Мерикъ ¹⁾), — Левъ XIII владѣетъ въ высокой степени пониманіемъ духа новыхъ временъ и потребностей церкви въ переживаемое нами острое время. Въ его наставленіяхъ, въ его образцовыхъ, лапидарныхъ формулахъ, чувствуешь разомъ и умъ живаго и яснаго мыслителя, и отеческую нѣжность великаго сердца, и непоколебимую твердость учителя, вполнѣ обладающаго истинной (?). Онъ всегда хочетъ убѣдить и, одерживая побѣду, предоставляет самому побѣжденному заслугу свободного подчиненія. Богословъ, — величайшій изъ богослововъ нашего вѣка, — онъ обладаетъ религіозною истиною, пользуется всѣми тѣми средствами, которыя даетъ современная богословская мысль (священная наука); философъ, отважный и вмѣстѣ осторожный, весьма искусный въ діалектикѣ, онъ излагаетъ истину съ ясностію необычайною, и оправдываетъ свои заключенія аргументами, отъ которыхъ противнику некуда укрыться (?). Невѣрующій будетъ читать вышедшія изъ подъ его пера страницы безъ усилія, безъ скуки, потому что онъ видитъ, что съ нимъ разсуждаютъ, спорятъ, изслѣдуютъ и опровергаютъ его предразсудки, и открываютъ ему широкой и просторный доступъ къ великой христіанской истинѣ... Мы видимъ, что въ наши дни безпрестанно поднимаются вопросы философскіе, политическіе, соціальные. Умы все больше и больше становятся индифферентными къ вопросамъ порядка чисто богословскаго или спекулятивнаго. Мы отѣснили. Изъ святилища, куда когда то рвались еретики, положивъ руку на евангеліе и устремивъ взоры къ алтарю, — наши противники отступили къ самой паперти (въ перистиль храма). Дѣло идетъ теперь о томъ, чтобы защитить основы соціальнаго порядка, которымъ угрожаютъ новые дикари и варвары. И вотъ, — съ какою мудростію, съ какимъ пониманіемъ Левъ XIII отзывается на эту *новую эволюцію духа!* Каждая изъ его энцикликъ касается того или другаго изъ современныхъ вопросовъ и разрѣшаетъ ихъ съ знаніемъ ученаго и съ несравненнымъ авторитетомъ учителя, облеченнаго обязанностію хранить въ не-

1) Pp. 293—8, passim.

прикосновенности сокровищницу непогрѣшимости (!? le dépôt de l'infallibilité)“...

Обладая многостороннимъ и проницательнымъ умомъ и широкою эрудиціею; будучи выдающимся ученымъ теоретикомъ и мыслителемъ, папа Левъ XIII является предъ современниками въ тоже время „благоразумнымъ государственнымъ человѣкомъ и политикомъ, у котораго истинно пророческое прозрѣніе (?) соединено съ быстрою и непреклонною рѣшительностію, отличающею сильныя характеры“¹⁾. Вотъ почему этотъ восьмидесятилѣтній отшельникъ, повидимому совершенно разобщенный своимъ Ватиканомъ отъ міра, не только знаетъ, понимаетъ, но и могущественно направляетъ событія этого міра. Онъ освѣдомленъ съ современнымъ состояніемъ политическихъ вопросовъ и настроеній, какъ „какой нибудь директоръ громадной Лондонской или Ньюёркской газеты“ и, — что особенно рѣдко и замѣчательно для его лѣтъ, — нисколько не утратилъ чуткости и воспримчивости къ новымъ событіямъ и вѣяніямъ времени. Всѣмъ извѣстно, что даже самые выдающіеся и наиболѣе освѣдомленные политики, когда они достигаютъ глубокой старости, перестаютъ слѣдить за современными потребностями и отзываться на нихъ. Ихъ взглядъ еще попрежнему широкъ и проницателенъ, но онъ обращенъ назадъ. Исключенія, подобныя Гладстону, рѣдкость. И вотъ почему знающихъ папу особенно удивляетъ его, вполнѣ сохранившаяся проницательность и отзывчивость на запросы времени. Вѣрующіе католики, конечно, видятъ въ этомъ помощь свыше, а невѣрующіе — печать гения¹⁾.

Эти личныя свойства папы, соединяясь съ особенностями его положенія, создаютъ ему въ современной Европѣ значеніе исключительное, единственное. Государь безъ государства, онъ, однако, могущественнѣе всѣхъ владѣтельныхъ государей. Послѣ смерти Вильгельма I-го и сверженія его знаменитаго канцлера не стало въ Европѣ личности болѣе популярной, чѣмъ папа Левъ XIII и, еслибы художникъ задумалъ изобразить на одной картинѣ всѣхъ выдающихся политическихъ дѣятелей нашего времени, то въ центрѣ картины онъ непремѣнно поставилъ бы рельефную

¹⁾ Р. 298.

и величественную фигуру папы. А самъ папа, — о, онъ отлично сознаетъ это свое значеніе и власть! Еще въ 1884 году, когда онъ былъ вовлеченъ въ серьезную борьбу съ „гигантомъ тогдашняго политическаго міра“, Бисмаркомъ, когда исходъ борьбы, казалось, былъ еще сомнителенъ, онъ говорилъ ¹⁾ корресподенту Таймса, въ аудіенціи съ нимъ: „Бисмаркъ, конечно, сила; но вѣдь и я—я тоже сила. Его могущество временное, преходящее, такъ какъ онъ ищетъ его только въ самомъ себѣ: мое же непреходящее, ибо я ишу его въ томъ, что не переходитъ во вѣкъ. И не смотря на это, я признаю его власть, а онъ моей нѣтъ... А это очень жаль. Вѣдь если бы онъ не впалъ въ эту ошибку, мы могли бы съ нимъ вмѣстѣ совершать удивительныя дѣла, — могли бы низвести на землю миръ, въ которомъ теперь такъ нуждаются!“ Колоссъ политики упалъ, а папа стоитъ какъ прежде и политическое значеніе его растетъ, и власть его становится все значительнѣе и значительнѣе...

Могущество Льва XIII всего болѣе создается и обуславливается пониманіемъ запросовъ и потребностей времени и умѣніемъ пользоваться минутою, господствующимъ настроеніемъ. Онъ отлично понимаетъ это настроеніе, ясно видитъ коренной недугъ, разъѣдающій современный культурный міръ, — ту вѣковую борьбу между духомъ свободнаго изслѣдованія, протеста и духомъ традиціи, подчиненія авторитету, которая особенно обострилась въ наше время. Въ самомъ дѣлѣ, наше время—время всеобщаго протеста: въ этомъ всѣми признанная и дѣйствительно самая характеристичная его черта. На всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы мы, сыны нашего времени, чувствуемъ глухой, какъ бы подспудный протестъ противъ авторитета — семейнаго, гражданскаго и религіознаго. Мы утратили блаженство вѣры, убѣжденной въ истинѣ, обо всемъ разуждаемъ, всему ищемъ новаго оправданія, все хотимъ сами и по своему обосновать, а чего не можемъ—отбрасываемъ. Мы—резонеры по преимуществу. Духъ критики и скептицизма, въ связи съ разнузданностію прессы, отгѣснилъ и вытравилъ у насъ уваженіе къ авторитету, желаніе ему подчиняться. Для сы-

---

¹⁾ Р. 214.

новъ нашего культурнаго времени нѣтъ въ сущности ничего священнаго: слова и дѣйствія власти, какъ бы ни была она высока, подвергаются критикѣ и часто осуждаются. Эта склонность къ критикѣ, этотъ гиперкритицизмъ—это своего рода болѣзнь. „Разсуждать—сомнѣваться, сомнѣваться—страдать“: это давно извѣстно и нашъ вѣкъ лишь болѣзненнѣе созналъ эту старую истину (Сэнъ-Бёвъ). А если эти муки сомнѣнія безысходны? Если въ лабиринтѣ вопросовъ не видать просвѣта,—тогда какъ? О, тогда страданіе самое тяжелое, самое удручающее... И вотъ мы слышимъ со всѣхъ сторонъ жалобы на эти муки неуспокоеннаго сомнѣнія, которое снова будить въ современныхъ умахъ желаніе отдаться авторитету. „Утомленный рационалистъ, я чувствую потребность въ непогрѣшимомъ авторитетѣ, мнѣ—для моего измученнаго духа нуженъ покой“ (Тьерри): вотъ какіе голоса раздаются нынѣ! „О какъ я завидую тѣмъ, которые еще могутъ пѣть *Te Deum*“: вотъ что добавляютъ другіе! И вотъ папа Левъ XIII, отлично понимающій эти танталовы муки нашего обезсиленнаго постояннымъ сомнѣніемъ вѣка, отзывается на призывъ и учить разузившійся міръ снова пѣть *Te Deum!*....

Папа, по словамъ своихъ почитателей, выступаетъ „съ оливковою вѣтвью мира“, какъ „великій миротворецъ“, какъ „другъ цивилизаціи и прогресса“ и въ то же время какъ ревностный хранитель традицій католической церкви¹⁾. Онъ хочетъ примирить вѣру и разумъ, авторитетъ и свободу, богатство и нищету, власть и подчиненіе: задача почтенная, отвѣчающая при томъ запросамъ времени! Но не придется ли, стремясь къ примиренію столь противоположныхъ и даже прямо взаимно исключаящихся другъ друга началъ чѣмъ нибудь поступиться? Уступки духу времени, погоня за новыми вѣяніями, не поведутъ ли они, при желаніи удержать старое, вѣковыя традиціи католической церкви, къ компромиссамъ? Мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ (см. наши письма: „Западная дѣйствительность и русскіе идеалы“), какъ на этомъ пути создалась двойная „эволюція папства“, съ неизбѣжными уступками и компромиссами. Но, конечно, то, что въ глазахъ сторонняго и

¹⁾ Рр. 235. 274. 303.

не заинтересованнаго наблюдателя, является рядомъ уступокъ и компромиссовъ,—это самое въ глазахъ сыновъ католической церкви оказывается проявленіемъ необычайнаго ума, признакомъ мужества, чуткости и такта...

Уже давно, — такъ выясняютъ ¹⁾ первый „политическій шагъ“ папы, эволюцію *демократическую*, — давно, когда Левъ XIII еще былъ кардиналомъ Печчи, онъ замышлялъ „для блага церкви“ оя сближеніе съ демократіей (эти мысли отразились въ его пастьрскомъ посланіи: „Церковь и цивилизація“); а потомъ эти тогда еще неясныя идеи сложились у него въ цѣлую теорію, которая и нашла себѣ воплощеніе въ энцикликъ *Regum vocationum* (см. наше шестое „письмо“ — предъидущая книга журнала). Папа видитъ, что древнія европейскія монархіи рунатся, а демократія усиливается и готова стать властелиномъ будущаго. И вотъ онъ замышляетъ смѣлый замысль — отъединить, обособить католическую церковь отъ прежнихъ (монархическихъ) *устарѣвшихъ* (?) формъ правленія. Онъ не хочетъ, чтобы она сошла вмѣстѣ съ ними въ могилу или чтобы вмѣстѣ съ нимъ дѣлила всеобщее нерасположеніе. Онъ видитъ въ народженіи и побѣдѣ демократіи не случай, не эфемерный фактъ, который завтра исчезнетъ, какъ и тѣ случайныя обстоятельства, которыя вызвали его къ бытію, — нѣтъ, онъ видитъ въ немъ необходимый результатъ медленной эволюціи человѣческихъ обществъ и, вѣрный своимъ прежнимъ намѣреніямъ, хочетъ, чтобы эти двѣ силы, церковь и демократія, — силы, которыя нынѣ соперничаютъ, но которыя быть можетъ завтра же соединятся, какъ въ первые дни христіанства (?), — чтобы онѣ, эти силы отнынѣ шли вмѣстѣ къ мирному покоренію міра. Онъ не страшится отчаяннаго сопротивленія однихъ, анаемы и проклятій другихъ. Не смотря на всѣ пренятствія, онъ идетъ впередъ и работаетъ надъ осуществленіемъ непреклонной мысли. И при томъ онъ будто-бы „не жертвуетъ ни одной буквой традиціи и откровеннаго ученія (?). Все дѣло только въ томъ, что у него своеобразный, оригинальный и смѣлый приемъ приспособлять эту неизмѣнную доктрину, эти неподвижныя принципы къ эволюціи человѣческихъ обществъ, къ *закон-*

¹⁾ Р. 279.

нѣмъ (?) потребностямъ новыхъ народовъ“ (!) ¹⁾. Отсюда его знаменитый „пароль“ своимъ „генераль-лейтенантамъ“ — кардиналамъ и епископамъ: *allez au peuple* („въ народъ“!). „Я понялъ, — говоритъ одинъ изъ нихъ, монсиньёръ Фава, — понялъ, когда впервые изъ устъ самаго папы услышалъ это слово, почему папа посылаетъ прежде всего къ народу: общій отецъ вѣрныхъ, навывкшій обнимать своимъ взоромъ весь міръ, встрѣчалъ особенно между рабочими и ихъ сынами и дочерьми героевъ и мучениковъ (!?). Вотъ почему онъ хочетъ, чтобы шли въ народъ — воздѣлывать эти молодые растенія, которыя должны покрыться цвѣтами и плодами, для блага христіанской республики (?) и универсальной церкви. Въ народъ, ибо будущее принадлежитъ ему!! *Идите и дастся вамъ*: классъ рабочихъ трудится, страдаетъ, жертвуетъ собою, хранитъ еще въ большинствѣ семей чистоту нравовъ и, когда Богъ призываетъ его сына или дочь на служеніе Себѣ, онъ считаетъ это для себя большою честью и приноситъ жертву, не колеблясь. Идите же въ народъ, говоритъ Левъ XIII: въ немъ будущность универсальной (? католической?) церкви, въ немъ будущность міра(!). Сословіе рабочихъ умножается, усиливается, сформировывается и въ концѣ концовъ будетъ повелѣвать! Кто въ самомъ дѣлѣ уже и теперь держитъ собственно власть? Народъ. *Идемъ же въ народъ*, — изрекъ нашъ скорбный первосвященникъ, — *идемъ, ибо сильные міра сего насъ покинули!* И его святѣйшество даль затѣмъ понять, — продолжаетъ тотъ же епископъ, — что, если бы вожди народа предъ лицемъ папы подали другъ другу руки, папство тотчасъ же получило бы свободу, а вожди народа и самъ народъ были бы счастливы (!). Миръ — высшее благо есть плодъ порядка, а порядокъ требуетъ, чтобы намѣстникъ Христа былъ владыкою (goi), а не подданнымъ, — чтобы онъ владѣлъ по крайней мѣрѣ Римомъ, въ которомъ бы не было уже другаго повелителя, кромѣ него (!) Воздвигнемъ же его, сыны народа, — призываетъ покорный папѣ и ревнующій объ его власти епископъ, — соединенными силами и станемъ просить сильныхъ міра, чтобы они сидѣли около папы ради мира и независимости св. престола. Мы знаемъ,

1) P. 293—300.

отступники противятся и хотятъ повелѣвать міромъ. Они заступили мѣсто Христа, вѣчнаго владыки, и заняли городъ Римъ—Петрово наслѣдіе. Но мы знаемъ такъ же, что заблужденіе преходитъ, истина же во вѣкъ стоитъ“¹⁾). Такова истинная подкладка современной „демократической эволюціи“ папства, какъ ее выясняетъ намъ монсеньёръ Фава, повидимому хорошо освѣдомленный въ этомъ вопросѣ. Можетъ быть для чести Льва XIII было бы лучше, если бы почтенный монсеньёръ былъ не такъ словоохотливъ, но для истины, для выясненія скрытыхъ мотивовъ *эволюціи* несомнѣнно онъ даетъ въ руки много цѣннаго: мы ясно видимъ послѣ его разъясненій, что подлинная подкладка стремленій папы къ сближенію съ народомъ есть, все еще упорно отстаиваемая имъ, мысль о законности притязаній папства на свѣтскую власть.

Другимъ, еще болѣе осязательнымъ проявленіемъ политической мудрости папы, признается его послѣдняя (прошлогодняя—отъ 16-го февраля) энциклика „къ архіепископамъ, епископамъ, клиру и всѣмъ вообще католикамъ Франціи“,—энциклика, за которую раздавалось и раздается такъ много похвальныхъ диоирамбовъ папѣ²⁾). Эта энциклика есть пря-

¹⁾ Рр. 258—260.

²⁾ Lettre encyclique de ss. le Pape Léon XIII aux Archevêques, Evêques, au Clergé et à tous les catholiques de France (см. въ концѣ книги *Д. Ажана*, стр. 373—379). Въ своихъ „письмахъ изъ-за границы“ мы не разъ упоминали объ этой энцикликѣ, но не имѣли случая ознакомить съ нею подобнѣе. Восполняемъ здѣсь этотъ пробѣлъ.—Папа начинаетъ свое посланіе выраженіемъ своего особеннаго расположенія къ французской націи, которая и сама, по его свидѣтельству, платитъ ему взаимностью. Ему особенно дорого, поэтому, благополучіе Франціи, которое, какъ извѣстно и какъ показываетъ ся исторія, созидалось главнымъ образомъ двумя доблестями націи: вѣрностью католической церкви и—отечеству. Въ послѣднее время, однако, эти доблести оскудѣваютъ: одни отпали отъ церкви, другіе—отъ законныхъ представителей власти (враждебно настроены противъ ея республиканскаго режима). Это ведетъ къ раздорамъ и пререканіямъ. „Мы-же,—говоритъ папа,—такъ какъ Мы являемся на землѣ представителями Бога мира (puisque Nous représentons sur la terre le Dieu de la paix),—Мы призываемъ всѣхъ честныхъ сыновъ Франціи къ возстановленію мира, къ защитѣ вѣры и власти“. — Различныя формы правленія смѣнялись во Франціи въ теченіе этого столѣтія: имперія, монархія, республика. Разсуждая абстрактно, можно съ полною истинностію утверждать, что каждая изъ этихъ формъ хороша, лишь бы она направ-

мое и необходимое добавленіе энциклики *Regum poenitent.* „Республиканская эволюція“ есть лишь другая сторона „эволюціи демократической“. И тамъ, и здѣсь одна и та же санкція притязаній „четвертаго сословія“, только въ разной формѣ. „Церковь не съ побѣжденными“: всѣмъ памятно это развязное слово одного не въ мѣру откровеннаго клерикальнаго органа (*L'Aurora*), еще не такъ давно вы-

ялась къ своей прямой цѣли т. е. къ общему благу, для достиженія котораго собственно и существуетъ общественная власть. Конечно, каждая нація, смотря по своимъ особенностямъ и по условіямъ существованія, можетъ и имѣть право предпочитать одну форму правленія другой и „мудрость католической церкви состоитъ именно въ томъ, что она признаетъ всѣ формы правленія и входитъ въ сношеніе со всѣми политическими властями“. Подобно ей и члены общества должны принимать власть въ той формѣ, въ какой въ ту или другую эпоху она существуетъ, не злоумышляя и не посягая противъ нея, потому что власть отъ Бога. Нужно,—подчеркиваетъ св. отецъ далѣе,— „нужно тщательно замѣтить слѣдующее: какова бы ни была форма правленія у націй, ее нельзя разсматривать, какъ форму окончательную, которая бы должна была оставаться неизмѣнно“. неизмѣнно и вѣчно пребудетъ лишь церковь. „Что же касается человѣческихъ обществъ, то извѣстно и сотни разъ доказано исторіей, что время, этотъ великій трансформаторъ всего земнаго, производитъ въ политическихъ установленіяхъ глубокія перемѣны“. Вотъ почему всякая гражданская власть, какъ такая, и всегда отъ Бога (Римъ. XIII, 1): подчиняться ей, какова бы она ни была, не только можно, но и должно. Должны, поэтому, и французы подчиняться своему настоящему республиканскому правительству.—Но,—скажутъ,—бываютъ власти, преслѣдующія дурныя цѣли. Къ сожалѣнію, да. Но въ такомъ случаѣ, чтобы избѣжать коллизій съ своею совѣстью, нужно различать *власть* отъ *законодательства*: при формѣ правленія, повидимому, лучшей, высшей законодательство можетъ быть весьма несовершенное и—наоборотъ; такъ что одно отъ другаго нисколько не зависитъ (?). Качество законовъ зависитъ болѣе отъ качества правителей, чѣмъ отъ формы правленія. Въ частности, во Франціи въ послѣдніе годы дѣйствительно замѣчаются въ законодательствѣ тенденціи, враждебныя религіи: долгъ честныхъ людей, въ виду этого, соединиться и всѣми возможными, но законными и честными средствами, противодѣйствовать вошедшимъ теперь въ обычай злоупотребленіямъ законодательствомъ, не возставая однако на самую форму правленія (республиканскую). При такомъ отношеніи къ вопросу несообразнаго ничего не выйдетъ: вѣдь уваженіе ко власти не обязываетъ уважать и безпрекословно подчиняться всѣмъ ея мѣропріятіямъ,—напримѣръ, такимъ, которыя направлены противъ общаго блага и особенно противъ религіи. Такъ и въ нервенствующія времена, напр., солдаты христіане подчинялись императорамъ язычникамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе не требовали отъ нихъ чего либо противнаго ихъ совѣсти

сказанное ¹⁾. Тогда считали его обмолвкой, но дальнѣйшая исторія показала, что это—фактъ. Дальновидный и пронизательный папа измѣрилъ противоборствующія силы современнаго политическаго міра и нашель, что преимущество не на сторонѣ тѣхъ, которые противъ республики. Онъ призналъ тщетными ихъ усилія и уже въ 1884-мъ году въ его головѣ созрѣлъ планъ энциклики 92-го года *L'Église du Christ ne s'attache qu'à un seul cadavre, à celui qui est lui-même attaché sur la croix* ²⁾: это слово осталось тогда загадкою; но энциклика вскрыла внушительный смыслъ этой загадки, осудивъ, конечно, въ осторожной и замаскированной формѣ монархическій принципъ, которымъ жила „прежняя“ (!?) западная Европа. По крайней мѣрѣ, именно такъ поняли ее наиболѣе компетентные въ данныхъ вопросахъ люди. Изобличить въ несостоятельности взглядъ монархистовъ на монархію, какъ на единственную будто-бы форму устойчиваго и прочнаго существованія человѣческихъ обществъ; разрушить выставленную римскими юрисконсультами теорію тожества по существу (consubstantialité) авторитета Божественнаго и власти царской; осудить цезарскія притязанія императоровъ и связанный съ ними принципъ престолонаслѣдія, чтобы такимъ образомъ обнаружить законность и республиканской формы правленія: вотъ подлинная мысль энциклики, какъ разъясняетъ её, напимѣрь, столь компетентное лицо, какъ министръ Испа-

и религіознымъ убѣжденіямъ. Это же должно быть принято за руководство и теперь, въ отношеніи къ республиканскому правительству Франціи. И никто, конечно, кто безпристрастно разсудить, не станетъ осуждать католиковъ, если они всѣми силами, не пада ни трудовъ, ни жертвъ будутъ стараться сохранить своему отечеству то, чему оно обязано своимъ благополучіемъ и славою,—католическую вѣру. — Конецъ энциклики посвященъ вопросу о раздѣленіи государства и церкви. Конечно, энциклика осуждаетъ эти современныя тенденціи самымъ рѣшительнымъ образомъ: „ихъ осуществленіе, говоритъ она, было бы возвращеніемъ къ язычеству“.

¹⁾ Р. 213.

²⁾ „Церковь Христова неизмѣнно предана только одному бездыханному тѣлу (труну),—тому, которое пригвождено ко Кресту“. Въ подлинникѣ игра словъ, не передаваемая по русски. Смыслъ этого изреченія, очевидно, такой: когда политическое тѣло (наприм., монархія) умираетъ, становится труномъ, церковь кат. не поддерживаетъ его, покидаетъ. „Она только съ сильными“... Р. 213.

ни (бывшій), Донъ Эмилио Кастелляръ. И, — подивитесь, читатель!—именно за эту-то антимонархическую, революціонную тенденцію энциклики, которая обезпечиваетъ модному современному западно-европейскому принципу *парламентаризма* право на существованіе, — именно за это-то энциклику такъ и прославляютъ!.. „Мнѣ извѣстно во всемирной исторіи, — такъ заключаетъ свои разъясненія экс-министръ, —немного документовъ, которые я могъ бы сопоставить съ этимъ посланіемъ папы. Намъ слѣдовало бы возложить его на свои головы, какъ посланіе ап. Павла. Въ немъ господствуетъ миръ, —миръ пѣсни *Gloria in excelsis* и священное лобзаніе мессы. Вотъ почему мы (?) выслушиваемъ чтеніе этого посланія не иначе, какъ съ головою склоненною подъ тяжестію великаго уваженія и съ сердцемъ, полнымъ самой глубокой признательности“¹⁾.

Таковъ взглядъ либеральнаго экс-министра на смыслъ „республиканской эволюціи“ папства, какъ она выразилась въ послѣдней энцикликѣ Льва XIII: пусть руются троны свѣтскихъ монарховъ, лишь бы утверждался тронъ монарха духовнаго! Да и не онъ одинъ, конечно, желаетъ этого. Этого желаютъ всѣ „вѣрные сыны католической церкви“ т. е. всѣ фанатически преданные папѣ католики. „Чтобы свѣтъ и пламя жизни т. е. истина и любовь сіяли надъ міромъ во всемъ своемъ блескѣ и красѣ, — таково ихъ общее убѣжденіе, еще такъ недавно снова и официально выраженное, — для этого необходимо, чтобы въ центрѣ Европы было священное мѣсто, престолъ священный и независимый, откуда бы и для народовъ и для ихъ владыкъ раздавался голосъ великій и могущественный, — голосъ правды и свободы, голосъ безпристрастный и нелицепріятный, который бы не зналъ страха и не давалъ себя обольщать посредствомъ тонкаго коварства“²⁾. И вотъ католики видятъ, что это ихъ завѣтное желаніе, благодаря стеченію обстоятельствъ и личнымъ свойствамъ нынѣшняго папы Льва XIII, ближе, чѣмъ когда либо прежде, къ осуществленію. Они прославляютъ папу и готовы пѣть величественное *Gloria in excelsis*... Однако, и среди самихъ католиковъ не всѣ

¹⁾ Р. 247—9.

²⁾ Р. 318. Адресъ 200 епископовъ папѣ отъ 1862 г.

такъ настроены. Есть и обездоленные и ихъ протестъ противъ нарушающихъ ихъ интересы свѣтскихъ притязаній папы звучить рѣзкимъ диссонансомъ среди восторженныхъ ликованій, въ которыхъ проходятъ дни юбилейныхъ торжествъ. Протестуютъ, конечно, прежде всего обездоленные итальянцы, ведущіе съ папскимъ престоломъ безконечныя территоріальныя тяжбы. Къ нимъ присоединяются и другіе, наиболѣе трезвые голоса...

„Мы, итальянцы, — говоритъ одинъ изъ представителей этой націи ¹⁾, — мы не можемъ быть безпристрастными судьями о томъ папѣ, который ко всѣмъ своимъ заслугамъ не прибавилъ одной, — не улучшилъ отношеній папства къ королевству итальянскому. Левъ XIII — *великій папа* и тонкій политикъ. Подъ его мудрымъ руководствомъ организуются теперь въ Италіи католическіе конгрессы, всевозможные союзы съ цѣлію возстановленія свѣтской власти папства. Но вѣдь это невозможно: свѣтское могущество папы не можетъ быть возстановлено иначе, какъ цѣною разрушенія королевства итальянскаго, а это невѣроятно, да, наконецъ, было бы вредно и для самого папства. И какой итальянецъ можетъ искренно пожелать всего этого“? Въ томъ-же тонѣ, но гораздо рѣзче отзывается о папѣ бывший министръ Италіи, Франсуа Криспи ²⁾. „Церковь католическая, будучи универсальною, должна, для достиженія и поддержанія своего единства, уважать отечество и правительство всякаго вѣрующаго. Слѣдовательно, папство, которое дѣлаетъ изъ себя *королевство* въ Италіи и *политическую партію* въ другихъ странахъ, есть *фальсификація христіанства* (sic!). Лишь при одномъ условіи, именно если оно будетъ ограничиваться лишь управленіемъ человѣческой совѣстію, оно будетъ въ состояніи выполнить ту высокую миссію мира, къ которой призвалъ его Тотъ, кто сказалъ, что царство, его *не отъ міра сего*. И мнѣ кажется, — подчеркиваетъ Криспи, — что Левъ XIII долженъ бы былъ понимать все это“! Чувствомъ глубокаго сожалѣнія и трогательной грусти проникнуты разсужденія на ту же тему и другаго высокопоставленнаго итальянскаго государ-

1) P. 225—7, passim.

2) P. 255.

ственнаго дѣятеля, — министра народнаго просвѣщенія ¹⁾. „Левъ XIII, — пишетъ онъ, — итальянецъ, а между тѣмъ чувства мира и любви обнаруживають только въ отношеніи къ иностранцамъ. Это исключеніе насъ и опечаливаетъ, и оскорбляетъ. Оно даже кажется намъ антихристіанскимъ. Оно даетъ намъ поводъ смотрѣть на Ватиканъ, какъ на мѣсто сходовъ и оплотъ реакціонеровъ. Папа, отецъ всего католичества, не хочетъ быть только отцемъ католиковъ — итальянцевъ! Деньги, которые онъ собираетъ съ иностранцевъ, предназначены намъ вредить! Свобода, къ которой онъ приглашаетъ, которую возвѣщаетъ, есть лишь свобода разрушать наши національныя учрежденія... Намъ часто приходится слышать, — продолжаетъ тотъ же авторъ далѣе, — что Ватиканъ останется вѣчнымъ, а Квириналь долженъ погибнуть. Но что если въ одно прекрасное время Италія, наскучивъ этимъ враждебнымъ отношеніемъ къ ней Ватикана, этими проявленіями духа возмущенія и интриги, который характеризуетъ поведеніе Ватикана, — если она, раздраженная всѣмъ этимъ, рѣшится разрѣчь вопросъ самымъ простымъ способомъ и, принявъ во вниманіе, что *законъ гарантіи* еще не былъ признанъ папою, овладѣетъ Ватиканомъ, какъ она уже овладѣла всюю остальною територією Вѣчнаго Города: что тогда?! Если великому плѣннику дадутъ свободу отправляться изъ Италіи, куда онъ хочетъ, предоставивъ почетную, хотя и опасную заботу охранять папу другой націи, — кто можетъ тогда насъ насильно заставить удержатъ у себя того, кто не дастъ намъ покоя? Нѣтъ, — повторяю, — отецъ всѣхъ остальныхъ католиковъ пересталъ быть отцомъ гражданъ итальянскихъ... И какой можетъ быть конецъ всего этого ненормальнаго положенія?!... Папа проповѣдуетъ нынѣ социальныя доктрины. Но король Гумбертъ дѣлаетъ лучше: онъ ихъ примѣняетъ въ своемъ маленькомъ владѣніи. Христіанская любовь итальянскаго короля неисчерпаема. И однако изъ опасенія заслужить нерасположеніе своихъ иностранныхъ совѣтниковъ, равно какъ и лицъ, снабжающихъ его деньгами, Левъ XIII не осмѣливается его благословить, и продолжаетъ трактовать его какъ узурпатора и святотатца, — онъ

---

¹⁾ Pp. 264—70, passim.

отказываетъ ему въ томъ мирѣ, о которомъ столько говорить повсюду, внѣ предѣловъ Италіи и при этомъ..... самъ же играетъ роль *священной жертвы*!! Нѣтъ, послѣ всего этого, мы не можемъ судить о папѣ безпристрастно. Мы находимъ его *недостаточно христіанскимъ въ отношеніи къ намъ* (sic!) и искренно сожалѣемъ, что интересы свѣтской политики своего двора онъ предпочитаетъ интересамъ религіи, которая одна должна бы составлять его славу, одна могла бы привести и Италію — всю, или лишь за малыми исключеніями, — въ лоно церкви... Пусть же Левъ XIII выйдеть изъ Ватикана, чтобы благословить воскресеніе Италіи; пусть воззреть взоромъ папскаго — апостола на овецъ, наиболѣе ему близкихъ, и тогда весь христіанскій міръ соединится въ одномъ выраженіи своего удивленія къ великодушію папы. Но... пока Ватиканъ будетъ представлять для насъ лишь убѣжище пенависти, мы не въ состояніи присоединяться къ концерту тѣхъ похвалъ, которыя безъ сомнѣнія прозвучать въ Вашей, м. г., — такъ заканчиваетъ смѣлый и благородный патріотъ-итальянецъ свое письмо къ Боайе д'Ажапу, — кшигъ“.

Какъ много здѣсь, въ этихъ единодушныхъ жалобахъ итальянцевъ на ненормальность отношеній къ нимъ папы, трогательнаго и горькаго и, — что важнѣе, — какъ много здѣсь справедливаго!.. И вотъ вѣнокъ на голову юбиляра, сотканный изъ самыхъ изысканныхъ и краснорѣчивыхъ похвалъ, — вѣнокъ красивый и нарядный теряетъ свою цѣну; въ немъ оказываются терніи; его блескъ, когда мы разсматриваемъ его ближе, оказывается помѣстамъ мишурной и красота, въ значительной мѣрѣ, поддѣльною...

Трагична исторія панства и на многія грустныя размышленія она наводитъ! Даже въ наиболѣе свѣтлые моменты своей исторіи, каковъ по справедливости моментъ, переживаемый имъ нынѣ, въ дни юбилейныхъ торжествъ своего выдающагося представителя, оно не можетъ вполне вкушать блаженство мира. Его самые высокіе восторги и радости не лишены нѣкоторой доли горечи, — не той благородной горечи, которая свидѣтельствуешь человѣку, что онъ мужественно держитъ знамя долга и чести, но — низменной, унижающей человѣка, которую мы причиняемъ другъ другу всякій разъ, когда, съ чисто животными инстинктами, за-

бывая свое высшее назначеніе и призваніе, бросаемся къ одной и той-же раздражающей нашѣ зависть приманкѣ. Для папства такого приманкою, — источникомъ такихъ, не возвышающихъ, но унижающихъ его, страданій служить свѣтская власть: мы слышали, какія горькія жалобы исторгаютъ у людей заинтересованныхъ эти притязанія, да и не у заинтересованныхъ только (см. письмо Жюль Симона ¹⁾) — въ томъ же тонѣ)! А какъ эти жалобы должны отозваться въ ушахъ папы? Какія движенія души, какое настроеніе должны вызвать?!

Левъ XIII, по общимъ отзывамъ о немъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ выдающихся личностей, которыхъ „Провидѣніе и его первый министр, время“ воздвигаютъ въ эпохи особенно трудныя, для устроенія особенно запутанныхъ и обострившихся отношеній. Это, говорятъ, „одинъ изъ лучшихъ папъ“. Охотно вѣримъ и привѣтствуемъ: мы, христіане восточные, сыны Церкви Православной, Каѳолической, — мы не можемъ не радоваться (Филипп. 1, 18), что западные братья наши по вѣрѣ (заблуждающіеся, но все же намъ близкіе) въ столь трудныя времена имѣютъ руководителя духовной жизни по желаніямъ сердца своего, — что католичество въ своей борьбѣ съ врагами религіи, нравственности и порядка, имѣетъ столь искушеннаго и опытнаго вожда: вѣдь католичество все же христіанство, хотя и потемненное, имѣющее съ христіанствомъ восточнымъ многихъ общихъ враговъ — въ лицѣ представителей современной безбожной культуры! Исходъ этой борьбы не можетъ не интересовать и насъ и дай Богъ, чтобы онъ привелъ къ торжеству мысли вѣрующей и возвышенно настроенной надъ готовыми поработить ее современными языческими принципами! Но съ другой стороны именно поэтому самому, мы, восточные христіане, не можемъ не скорбѣть о томъ, что эти, столь возвышенныя и благодѣтельныя для западнаго міра, усилія католической церкви и ея представителей омрачаются и даже парализуются задачами суетными, стемленіями призрачными, унижительными. И это тѣмъ прискорбнѣе, что даже лучшіе изъ папъ, каковъ безспорно юбiliarъ, какъ мы видимъ, настолько ослѣплены, что, при всей своей

---

¹⁾ Рр. 304—6.

проницательности, не въ состояніи понять и взвѣсить весь вредъ и тщету секуляристическихъ притязаній папства. А можетъ-быть они и понимаютъ?! Это было бы, конечно, еще печальнѣе, но, къ сожалѣнію, не совсѣмъ невѣроятно. Вѣдь у папы, при всемъ его могуществѣ, своей власти нѣтъ! Это отлично понимаютъ и сами католики. Ватиканъ—могила. Кто вступилъ въ него, въ почетномъ званіи его обладателя, тотъ уже отказался отъ своей жизни—отъ своей воли и мысли! „Въ Ватиканѣ,—говорятъ хорошо освѣдомленный съ этимъ предметомъ люди ¹⁾),—человѣкъ не можетъ имѣть собственной воли и тотъ, кого облачаютъ папскою тиарою, будь онъ либераль или реакціонеръ, тотъ часъ же долженъ подчиниться римской куріи, а если онъ не хочетъ сдѣлать этого добровольно, его заставляютъ подчиниться насильно“. И вотъ папа, ставшій съ момента своего вступленія въ Ватиканъ, какъ бы безличною составною частію священнаго наслѣдія, которое онъ принялъ, долженъ ежеминутно испытывать тоску и ужасъ своего почетнаго плѣненія, при чемъ искуситель, указывая ему на разстилающийся предъ окнами Ватикана вѣчный городъ, постоянно напоминаетъ ему, что онъ могъ-бы превратить во прахъ эту столицу міра, *если бы...* По этого „*если бы*“ лучше не договаривать.

Говорятъ, что изъ Ватикана голосъ папы раздается слышнѣе. Быть можетъ. Но вѣдь это покупается такою дорогою цѣною—цѣною отказа отъ своей мысли, отъ своей воли, можетъ быть и отъ своей совѣсти!.. И вотъ въ чемъ весь трагизмъ, весь ужасъ, вся невозможная ненормальность папства! И вотъ отъ чего восточная церковь такъ пламенно желаетъ западной прежде всего избавиться,—о чемъ молится, призывая и насъ, чадъ своихъ, молиться. И теперь—*молитва о мирѣ всего міра* есть единственная форма, въ которой мы, православные, можемъ присоединиться къ настоящимъ юбилейнымъ торжествамъ Ватикана....

А. Введенскій.

---

¹⁾ Кристи, р. 257.